

**Швабра и Веник,
или Блюз в
двенадцать
тактов**

Владимир Мальмаков

Владимир Мальмаков

**Швабра и Веник, или
Блюз в двенадцать тактов**

«Автор»

2020

Мальмаков В.

Швабра и Веник, или Блюз в двенадцать тактов / В. Мальмаков —
«Автор», 2020

Героям повести выпала эта нелегкая участь – жить на переломе эпох. Распад Советского Союза, война в Афганистане, возвращение в Россию 90-х годов – через все это пришлось пройти Вениамину Хазарову, сначала обычному школьнику, затем бойцу спецназа, после уличному музыканту-саксофонисту. Он сохранил верность своей школьной любви и пронес ее через все испытания. Любовь, верность, нестигаемый нравственный стержень внутри и конечно музыка, помогают ему выжить и найти свое место в жизни.

© Мальмаков В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Затакт	6
Такт 1. Веник. 1986 год, осень	8
Такт 3. Афганец. 1995 год, лето	14
Такт 4. Веник. 1987 год, весна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Мальмаков

Швабра и Веник, или

Блюз в двенадцать тактов

*Везде двенадцать тактов
Как месяцев в году
И по двенадцать актов
На свет и темноту
На знаках зодиака
Вселенной смысл и вкус...
Как не крути, однако –
Наш мир лишь ритм и блюз...*

Сергей Савин

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Константин Симонов

Автор считает своим долгом предупредить, что все персонажи в этой повести являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Затакт

...вообще-то у нее редкое и красивое имя – Вероника, а Швабра... Швабра – это было школьное прозвище такое.

Обидное прозвище прицепилось в девятом классе на первом же уроке физкультуры, когда мы вернулись в школу после летних каникул. В начале того урока, как обычно толкаясь, хихикая и подначивая друг друга, мы заняли свои обычные места. Первым всегда становился Захар – центральной сборной школы по баскетболу, здоровенный шланг под метр девяносто ростом. Я был немного ниже и занимал второе место в шеренге, за мной мой лучший друг Ваня Пряхин, ну а после него все остальные. Приготовились к обычной команде: «Напра-а-о, по кругу бегом марш!», но физрук Сергей Тимофеич почему-то не спешил, прошелся туда-сюда, придирчиво оглядывая шеренгу, и вдруг велел Веронике выйти из середины, где она обычно стояла, и встать за Пряхиным. А потом, прищурив глаз и наклонив голову, хотя это было трудно сделать из-за мощной борцовской шеи, предложил и Ване поменяться с ней местами. «Ого», – сказал я, покосившись, а она только фыркнула. Оказалось, Вероника так вытянулась за лето, что обогнала Пряхина в росте. Ну, может быть, сантиметра на два, но тем не менее.

А роль невольного «крестного отца» для Вероники сыграл Кабанок – коренастый и упитанный Санька Кабанов. Когда Тимофеич после обязательной пробежки и разминки разрешил играть в баскетбол, Кабанок с Никой где-то столкнулись, она отлетела от него метра на два и упала. Он пробурчал, помогая ей подняться: «Ну, ты и швабра стала...», и на беду рядом оказался Ехидный Гаврюшин, которого многие хотели бы пришибить за его слишком большую ехидность. Нет бы смолчать, но не зря же он Ехидный! Подхватил, за ним подхватили и остальные. Вот так и стала Вероника Шваброй для всех, кроме меня и моего друга Вани Пряхина. Для меня она всегда была и есть Ника или Ничка, а немного позднее я назвал ее про себя – Золотая Нотка.

Клички бывают только у собак и кошек, а пацанов и девчонок наделяли прозвищами, погонялами и погремухами. Прозвищами – нормальных людей, погонялами – приклатненных, а погремухами – отличившихся каким-нибудь выдающимся деянием, чаще всего глупым или смешным.

Самое обычное, конечно, получить прозвище по фамилии. Нашу одноклассницу Таньку Мухину, естественно, называли Мухой. Сейчас она солидная дама, Татьяна Павловна Мухина, начальник отдела в крупном банке, а для одноклассников так и останется Мухой до конца жизни.

Однако в большинстве своем прозвища получали по разным причинам. Например, один такой раздолбай Петька Ершов рассказал в классе где-то услышанную дурацкую поэму, в которой все слова начинались на букву «О». Как сейчас помню, звучало это произведение устного народного творчества так: «Отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера, обнаружил обнаженную Ольгу. Отец Онуфрий ополоумел: Ольга отдайся, озолочу. Ольга отдалась, однако отец Онуфрий обманул Ольгу... и т.д.» И стал для нас Петька навсегда Отцом Онуфрием.

Ну, а некоторые прозвища или погоняла вообще нельзя было объяснить как-то разумно. Захара на самом деле звали Сергей Кургузкин, а отчего Захар – даже сам он не мог вспомнить.

Меня же называли очень просто – Веник, потому как родители сподобились дать мне такое сложное имя – Вениамин. И на том, как говорится, спасибо. Позже я узнал, что Вениамин буквально означает «сын любимой жены Иосифа», персонажа из Библии. Честно говоря, происхождение имени было мне тогда до лампочки. Главное, если разложить его на слоги, получалось – Ве-ни-а-мин, столько же слогов у имени Ве-ро-ни-ка. И думал я, не случайно наши имена начинаются на одну и ту же букву, и количество слогов одинаковое.

Тогда, в девятом классе, Вероника выглядела, как молодое деревце с длиннющими ветками – ногами и руками. Золотисто-рыжие волосы она собирала в два хвостика, такого же золотистого цвета длинные ресницы обрамляли серо-зеленые глаза, у нее был немного вздернутый веснушчатый нос и смешные торчащие коленки. И она потрясающе играла в волейбол! Взлетала над сеткой, мне казалось по пояс, и после молниеносного взмаха руки мяч пролетал мимо блока и врезался в пол пушечным ядром при любом, даже самом неудобном пасе.

Хотя наши пацаны ее в упор не замечали, популярностью тогда пользовались девчонки, у которых больше всего проявлялись в фигуре всякие взрослые женские штучки. И только я один видел, Ничка – настоящая принцесса из любимого мультика «Бременские музыканты»...

«Ночь пройдет, наступит утро ясное, знаю – счастье нас с тобою ждет. Ночь пройдет, пройдет пора ненастная – солнце взойдет...» – пел Трубадур со своими друзьями. И казалось, всех нас ждет только счастливое будущее, и мама была жива, и жили мы вместе с папой, и свежий ветер в лицо, и солнце и голубое небо над нами, и всегда рядом веселые, неунывающие друзья. И вообще мы думали, что никогда не умрем.

Мы, конечно, ошибались, но поняли это спустя годы, многие годы...

Такт 1. Веник. 1986 год, осень

...облако походило на корабль. На громадную трехмачтовую каравеллу с полными ветра парусами. Самое большое, оно медленно пересекало оконный проем, не смешиваясь с другими, и постепенно уплывало за край голубого прямоугольника, куда обычно уходят облака.

– Хазаров! – я внутренне вздрогнул, но внешне остался неподвижным, как статуя. Так я приучал себя не реагировать на неожиданные оклики или резкие звуки. Потом неспешно перевел взгляд на Линеяку.

– Ты опять где-то витаешь?

Линеяка стояла у доски – спина, как всегда, идеально прямая, – поджав и без того тонкие губы, голубенькие глазки за очками в позолоченной оправе грозно поблескивали. Белая блузка и черный жакет – я на мгновение представил на ней черный мундир с двумя рунами в виде молний на петлице, – очень бы ей это пошло.

– Скажи-ка нам, Хазаров, о чем сейчас шла речь?

Я медленно взгромоздился на партой.

– Речь шла об исторической основе «Слова о полку Игореве».

– Ну и какая же, интересно, была историческая основа?

– Историческая основа простая, – сказал я, глядя прямо в глаза Линеяке, и отчеканил: – Поход князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев в одна тысяча сто восемьдесят пятом году от Рождества Христова.

Линеяка все-таки не выдержала и отвела взгляд, прошлась по другому ряду между партами.

– Излагаешь хорошо, – сказала она, остановившись и глядя на меня сбоку. – Но... – она сделала драматическую паузу, – вот почему ты не постригся, как все остальные?

Ну и при чем здесь прическа? Это было моей гордостью – я терпеливо отращивал волосы все лето в подражание любимым рокерам. Но на первом же уроке литературы Линеяка предупредила, чтобы все мальчики привели себя в порядок, и в первую очередь указала на меня.

Конфликт был старый, затяжной, и начался он с обсуждения лермонтовского «Героя нашего времени», когда я назвал Печорина самым настоящим мерзавцем, доставившим столько неприятностей хорошим людям, а некоторых и вовсе погубившим. С того времени и началась наша вражда с Линеякой. А я старался к каждому уроку литературы прочитать гораздо больше, чем полагалось по школьной программе. К этому уроку пришлось прочитать целую книгу по «Слову о полку Игореве», потому я знал историю его создания досконально. Честно говоря, меня гораздо больше привлекали приключения трех мушкетеров, графа Монте-Кристо и капитана Блада, но приходилось читать и изучать всю классику по школьной программе, и все из-за того, чтобы не дать Линеяке повода торжествовать.

– И еще мне интересно, почему комсомольская организация никак не реагирует? – Линеяка поискала глазами комсорга.

– А он не комсомолец, – со скрытым злорадством откликнулся комсорг Мишка Кирносов.

Линеяка фыркнула.

– Неудивительно, но это не меняет дела. Я предупреждала всех, а Хазаров, видимо, считает себя особенным. А потому сейчас собирает вещички и идет в парикмахерскую.

– В стране перестройка, – пробормотал я. – А вы меня гоните постригаться.

– Перестройка перестройкой, – зловеще сказала Линеяка, – но она не значит, что ученики на мои уроки могут приходиться похожими на обезьян. И не вздумай опять проволынить, на уроке русского я проверю.

И на том, как говорится, спасибо. Я сгреб учебник, тетрадку и ручку в сумку и побрел на выход. Класс – белый верх, черный низ, за свежевыкрашенными в голубой цвет партами – проводил меня взглядами, кто сочувствующими, кто осуждающими, а кто и злорадными. Ехидный Гаврюшин исподтишка показал средний палец. Нет, определенно надо когда-нибудь его пришибить. Ивушкина посмотрела через очки с таким выражением, будто вот-вот заплачет. Поговаривали – она тайно влюблена в меня. Двое из Ларца – близнецы Сашка и Пашка Колотовкины принялись корчить зверские рожи. А верный друг Ваня Пряхин незаметно для Линейки поднял к плечу сжатый кулак – Рот Фронт. И только вождь мирового пролетариата с портрета на стене смотрел на нашу жизнь, протекающую в классе, с ироничным прищуром.

Перед тем, как открыть дверь, я взглянул на предпоследнюю парту в крайнем ряду – Ника искоса на меня посмотрела, отчего у меня в животе, как всегда заглодело, усмехнулась едва заметно и опустила взгляд.

За дверью я постоял, отошел немного дальше от двери и саданул по стене кулаком. Ну и дурак, только руку ушиб. Морщась от боли и потирая костяшки пальцев спустился на первый этаж и вдруг услышал голос нашей первой учительницы, Татьяны Михайловны, доносившийся из приоткрытой двери с табличкой «1«А» класс:

– Когда приходит осень, листья на деревьях желтеют и что делают?.. Кто ответит?.. Коробков, пожалуйста...

Я замедлил шаг и остановился за дверью, чтобы послушать, как ответит первоклашка Коробков.

– Листья отваливаются, – сиплым баском сказал он.

– Нет, Коробков, неверно – так не говорят. Подумай хорошенько...

– Отпадают? – неуверенно сказал Коробков.

В классе слышались смешки.

– Опять неверно, садись Коробков. Кто скажет, как надо правильно говорить? Максимова, пожалуйста...

– Листья опадают, Татьяна Михайловна, – тоненьким голоском ответила Максимова.

– Совершенно верно, молодец Максимова!

Я прокрался мимо двери и вышел на крыльцо школы, уже посмеиваясь про себя. Сентябрьский воздух был свеж и прозрачен, со школьной спортплощадки доносился стук мяча и азартные крики, листва кленов во дворе школы только начала желтеть и некоторые листья действительно отвалились... тьфу ты, нет – опали, и одинокий школьный дворник дядя Миша собирал метлой их в кучки. Я остановился на крыльце и несколько раз глубоко вдохнул чистый аромат осени, выгоняя из легких запах краски, еще стоявший в школе после летнего ремонта, из сердца досаду, а из головы неприятные мысли. Посмотрел на небо – облака так же неспешно плыли в одну сторону, но каравелла уже растворилась в прозрачной голубизне.

Откуда-то из открытого окна соседней со школой пятиэтажки донеслась музыка – тонко запели скрипки с ритмом ударных, словно звали куда-то, потом вступило фортепьяно и духовые. Прекрасная вещь оркестра Поля Мориа, «Love Is Blue», в которой есть несколько замечательных серебряных ноток. Вообще-то и жизнь была почти прекрасна, если не считать нескольких затруднительных моментов. И спешить особенно некуда – впереди еще пол-урока, а потом большая перемена, и можно будет пойти в буфет, не спеша съесть пару вкуснейших пирожков с повидлом, запивая не менее вкусным компотом.

– Хазаров, ты почему не на уроке? – услышал я, спускаясь с крыльца. Роман Сергеевич, наш физик, один из самых уважаемых учителей, вышел вслед за мной. Видно собрался покурить на площадке для метеонаблюдений, где обычно курили учителя.

– А меня Екатерина Андреевна послала стричься.

– Линькова? – он покивал скорбно. – Сочувствую, ну иди-иди...

Парикмахерская находилась в двух шагах от школы, и вскоре я сидел под накидкой в кресле, мрачно рассматривая в зеркале свою физиономию. Немолодая парикмахерша, платиновая блондинка, спросила, оценивая оглядывая мою голову:

- Как стричь – под «канадку», бокс», «полубокс»?
- Нет, – сказал я, решившись, – постригите меня под «ноль».
- Как? – удивилась она.
- Наголо, – сказал я.
- Ты в армию уходишь?
- Пока нет.
- Хм, и не жалко? У тебя такие красивые волосы.
- Так надо, – сказал я, отсекая для себя последнюю возможность изменить решение.

Равнодушное выражение на ее лице сменилось недоуменным, но сначала ножницы, а потом машинка быстро заработали в умелых руках, и скоро ни в чем неповинные волосы, которые я терпеливо вращивал все лето в подражание товарищам Дж. Леннону, М. Джаггеру, Ф. Меркьюри и другим продвинутым в этом отношении людям, оказались на полу. Голова оказалась на удивление бугристой в самых неожиданных местах, да еще и какой-то синеватой, а лицо стало совсем незнакомым.

Мое явление в классе после большой перемены вызвало, мягко говоря, неоднозначную реакцию у одноклассников. Кто откровенно ржал, девчонки перешептывались, Ехидный Гаврюшин сделал большие глаза и озадачился, а мой друг Ваня Пряхин был восхищен. Я же следил краем глаза за реакцией Ники – она улыбалась во весь рот, и в один момент я ощутил себя героем школы и немного возгордился.

Когда Линейка вошла в класс и увидела мой новый облик, ее глазки увеличились раза в два.

- Ты издеваешься, Хазаров?
- Екатерина Андреевна, над чем я издеваюсь?
- Ноздри у Линейки раздулись, что означало крайнюю степень раздражения.
- Ты экстремист, Хазаров, понимаешь это? Нужно было только постричься, как положено ученику девятого класса.
- А как положено?
- Положено быть аккуратно постриженным.
- По-моему, я постригся аккуратней некуда.
- Если будешь дерзить, придется вызвать в школу твою бабушку.
- А вот бабушку трогать не надо, – сказал я со злостью.
- Ладно, мы с тобой позже поговорим. – Она отвернулась, а я с облегчением уселся на место.
- Запишите тему: «Главные и второстепенные члены предложения».

Героем школы я был недолго. Этим же вечером Ваня Пряхин и еще несколько пацанов из разных классов, которых тоже достали придирки из-за прически, из солидарности постриглись точно также. Линейка, увидев моих последователей на следующий день, назвала меня «подрывным элементом» и пообещала, что я еще поплачу горькими слезами.

Мне и вправду пришлось в своей жизни плакать горькими слезами, и не однажды, но совсем в другое время и в другом месте...

Такт 2. Хазар. 1988 год, лето

...у лейтенанта, кроме автомата, был предмет всеобщей зависти – «Стечкин» в деревянной кобуре, пристегнутый к поясному ремню, словно «Маузер» комиссара времен гражданской войны. Лейтенант скомандовал: «Попрыгали», и мы лениво подпрыгнули несколько раз на месте. Похоже на то, как когда-то прыгали наряженные зайцами на новогоднем утреннике в

детском саду, но только сейчас, вполне взрослые, мы проверяли подгонку оружия и снаряжения. Процедура привычная – ни у кого ничего не гремело и не звякало.

– Хорошо, – сказал лейтенант. – Через полчаса выезжаем. Покурите пока.

Кроме него в разведгруппу входило четверо – рядовых и сержантов отдельного отряда специального назначения, и через полчаса мы отправлялись в рейд по горам. Сначала на броне БТРа, шедшего в ближайший кишлак по хозяйственным делам. По дороге мы должны были скрытно десантироваться у начала одной из троп, ведущей в горы. Боевую задачу лейтенант Слонов, в просторечии Слон, озвучил – пройти по намеченному маршруту в горах до кишлака, где через три дня должен появиться Мирзо-хан Рахим – один из самых непримиримых наших врагов. Мы должны заранее занять позиции, а когда появится полевой командир – ликвидировать его, это будет наша работа с Дорой. После выполнения задачи выйти в назначенный квадрат, где группу подберет вертушка.

– Сколько духов будет с Мирзо-ханом? – спросил Дора.

– Там его родовой кишлак, – сказал Слон. – Поэтому обычно с ним ездят пять-шесть телохраниелей, не больше.

– Справимся, командир, – сказал Бек.

– А ведь там на маршруте ледник, командир, – сказал я. – Можем не успеть.

– Должны успеть, – сказал Слон. – Это может наш единственный шанс убрать Мирзо-хана.

– Так-то все правильно. Один день на подход к леднику, один день на сам ледник, день до кишлака – получается три дня. Но нужно иметь какой-то запас, сам знаешь, командир, – сказал я упрямо.

– Будем поспешать, все, готовьтесь, – сказал лейтенант, закончив дискуссию.

И на том, как говорится, спасибо. Мы присели на утоптанную землю прямо на плацу в тени БТРа, не обращая внимания на запахи соляры, остывшего за ночь металла и резины, прислонившись к рюкзакам, набитым множеством вещей, составляющих боевую выкладку. В первую очередь боеприпасами – патронами в магазинах и в отдельном мешочке россыпью, гранатами, потом в порядке убывания важности: двумя флягами с водой, альпинистским снаряжением, сухпаем и консервами, аптечками и индпакетами. Поверх «песчаного» камуфляжа на нас разгрузки-«лифчики» со снаряженными магазинами в нагрудных карманах, у снайперов, то есть у меня и Доры, по пистолету ПМ в кобуре на поясе. Бронежилеты и каски в многодневные разведвыходы мы не надевали, итак были нагружены, как ишаки. Спальные мешки свернуты и привязаны к рюкзакам снизу, по две гранаты на поясе, остальные в рюкзаке. И еще одна граната в отдельном кармашке на тот случай, если тебя будут пытаться взять в плен. В плен никто из нас не собирался, потому как духи сдирали кожу со спецназовцев живьем.

Фил, радист, взялся дописывать письмо, а Бек угостил всех болгарскими сигаретами «ТУ-134». Ему всегда присылали очень хорошие сигареты в посылках. Рыжее афганское солнце только встало, в тени было прохладно, и ароматный дымок сигарет смешивался со свежим ветерком, тянувшим с близких гор.

Мы наслаждались тихим утром, понемногу выгоняя остатки утренней дремоты и постепенно приводя свои организмы к экстремальному режиму разведвыхода. Все были расслаблены, хотя я знал – в душе у каждого беспокойно, но и каждый загоняет эту тревогу в самые глубокие подвалы подсознания. Тут еще ночью мне приснилась змея, которая пыталась меня укусить. Что сие значило, черт его ведает, хотя некоторые сны точно бывают вещими. Я помню тот плохой год в детстве, когда мне приснилось, как у меня выпал зуб с кровью, а две недели спустя после этого умерла мама.

Фил дописал письмо, запечатал его в конверт и начал надписывать адрес.

– Слышь, Хазар, – спросил он. – Как пишется – главпочтамп или главпочтампт?

– Главпочта-мэ-тэ, – сказал я.

Подошел наш приятель Славик Духновский из второй роты и стрельнул сигарету. Он держал в руке маленький двухкассетник «Панасоник».

– Что нового из музыки? – спросил я.

– Да вот, послушайте, последняя песня «Кино», – сказал Славик и включил магнитофон.

Ритм, завораживающий ритм, потом низкий голос: *«Теплое место, но улицы ждут отпечатков наших ног, звездная пыль на сапогах...»* Мы слушали молча, каждый думал о своем, но слова ложились точно туда, внутрь, в самую душу: *«Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве...»* Музыка вроде негромкая, но разносилась далеко над плацем: *«Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне удачи...»* Над рядом штабных модулей-вагончиков, палаток, выстроенными БТР-ами и «Уралами», и за двойной ряд «колючки» вокруг нашей базы: *«Я хотел бы остаться с тобой, просто остаться с тобой, но высокая в небе звезда зовет меня в путь...»*

– Клево! – сказал Дора, и все согласились. – А кто у них поет в группе?

– Витя Цой, кореец, а вообще они из Питера все.

– А еще что-нибудь есть?

Мы послушали «Звезду по имени Солнце», и слушали бы еще и еще, но тут Славика окликнул офицер из его роты, и ему пришлось двигать куда-то по их ротным делам.

– Ничего, вернетесь – я вам дам кассету, – сказал Славик. – Удачи!

– К черту, – сказал Дора и сплюнул.

Фил только закончил надписывать адрес, как пришел старшина, забрал его письмо и собрал все из наших карманов – документы, письма и все бумажное. Документы я отдал, последнее письмо от Ники, которое носил в кармане на груди, еще раньше убрал в пачку писем, перетянутых резинкой, в прикроватную тумбочку в палатке. Кладдахское кольцо – одно из пары, которые мы сделали с Никой, я носил на шее, на прочной серебряной цепочке, и никогда не снимал.

– Бек, скажи, а у вас в ауле все такие здоровые? – спросил Доржик, глядя в светлеющее небо и с удовольствием затягиваясь. Он сидел прислонившись спиной к колесу БТРа, пошевеливая скрещенными ногами, обутыми в отечественные кроссовки «Кимры», которые показали себя гораздо лучше всяких там «адидасов» и «найков» для разведывающих в горы. Снайперскую винтовку, аккуратно забинтованную пятнистой маскировочной лентой, он положил поверх рюкзака.

– Ты меня достал, Дора, – лениво просипел Бек, искусно выпуская изо рта круглые дымные кольца, тут же разбиваемые порывами ветерка, – я живу в Гудермесе. Гудермес – город, а не аул.

В его широкой, покрытой жестким рыжим волосом лапе, сигарета, зажата между пальцев, казалась соломинкой. Свой пулемет со сложенными сошками он прислонил к колесу БТРа.

– А-а, – сказал Доржик. – Я думал, ты горец, бача, а ты, оказывается, простой равнинный чеченец.

– Чеченцы – все горцы, – назидательно сказал Бек, гася сигарету. Потом вытащил заточку из резиновых ножен, проверяя, легко ли выходит, и снова вставил. Вместо штык-ножей из комплекта к автомату мы использовали четырехгранные тридцатисантиметровые заточки из арматуры, изготовленные нашими умельцами в ремонтных мастерских полка. Рукояти обматывали черной изолентой и оснащали петлей из прочного кожаного ремешка, надеваемого на запястье. Лучшее, неоднократно проверенное оружие для рукопашного боя. Позже я узнал – эти заточки почти один в один были копиями старого русского штыка, которым наносили врагам страшные, незаживающие раны.

– Гудермес, между прочим, находится в горах. А вот у вас в Калмыкии есть горы?

– Не-а, – сказал Доржик. – У нас только степь, бача, ровная как стол. Но зато весной там цветут тюльпаны. Разноцветные – красные, желтые, фиолетовые... И сайгаки...

– Сайгаки – это кто? – спросил я, сделав последнюю длинную затяжку и щелчком отправляя окурочек в последний полет. Свою винтовку, также аккуратно обмотанную масклентой, я тоже положил поверх рюкзака, направив ствол в небо.

– Ты невежа, Хазар, – сказал Доржик. – Сайгаки – это такие антилопы. Говорят, они живут в нашей степи со времен мамонтов.

– Не невежа, а невежда, черт ты нерусский, – сказал я. – Невежа – значит грубый и невоспитанный человек, а разве я грубый и невоспитанный? Вот невежда – тот, кто ни хрена не знает.

Доржик расплылся в ухмылке, отчего его узкие глаза стали еще уже, с видимым удовольствием продолжая курить.

– Эй, Фил, а ты знаешь, кто такие сайгаки? – спросил я.

Однако Фил ничего не ответил. Он уже дремал, как всегда пользуясь случаем, растянувшись на утоптанной земле плаца в обнимку с автоматом и прислонив голову к рации.

– А, наверное, красиво, – полузакрыв глаза, негромко сказал Бек. – Степь, тюльпаны и сайгаки...

– Еще как, бача... – сказал Дора, – еще как...

Из письма Ники: *«...учиться здесь очень интересно. Ты не представляешь, какие у нас в мастерской интересные и талантливые ребята. Говорят, уже со второго курса кое-кого могут пригласить сниматься в кино, правда в институте такое не приветствуется.*

Приезжала домой на каникулы, одноклассники наши сейчас кто где – разбежались по стране, никого почти не видела. Кабанок поступил в медицинский, говорят, будет специализироваться на хирурга, смешно, да? Кабанок – и хирург. Ваня Пряхин тебе пишет? Я знаю, он в академии МВД в Омске, Отец Онуфрий тоже служит, кажется, где-то на Севере в морской пехоте. Девчонки некоторые поступили – кто в наш универ, а кто в других городах.

Ну что я все о себе и о себе, как тебе служится, Веник? Ты писал назначен каптерищиком, ну и пусть служба скучная, зато в теплом месте. Осталось уже меньше года, я очень скучаю, целую тысячу раз, люблю тебя и жду.

Твоя Ника».

Такт 3. Афганец. 1995 год, лето

...дверь была чужая. Вместо нашей старой, обитой черным потертым дерматином двери с мебельными гвоздями и протянутой между ними медной проволокой, стояла другая, массивная, облицованная деревянной лакированной вагонкой. И соседская дверь была другая – тоже массивная, но целиком металлическая, хотя в подъезде пахло по старому – кошками, известковой побелкой со стен выше зеленых масляных панелей, хлоркой, с которой обычно мыла полы дворничиха, варившимся у кого-то борщом, котлетами и многими другими запахами, знакомыми мне с детства и присущими месту, где давно живут люди.

Я позвонил, долго никто не открывал, сердце тревожно забилося, и почему-то всплыло полузабытое детское воспоминание. Когда приходишь домой, звонишь в дверь, и никто не открывает, словно тебя бросили, и ты остался совершенно один на свете. Наконец за дверью загремело, щелкнул замок, и я увидел хмурого небритого мужика в трениках с лампасами и мятой белой футболке с веселенькой надписью красным «Don't worry, be happy» на груди. На меня пахло густым сивушным духом.

– А... а где бабушка? – глупо спросил я.

– Какая еще бабушка? – переспросил мужик.

– Я здесь жил с бабушкой, – сказал я. – А вы кто такой?

– Я кто такой? – мужик выпятил подбородок и сделал угрожающее движение вперед. – Я здесь живу! А вот ты кто такой?

Я отступил на шаг и, не отводя от него глаз, медленно спустил с плеча на пол сумку с вещами. В общем-то, я не знал, что и делать, но мое простое действие, по-моему, как-то охладило его агрессивный настрой. Между тем из-за плеча мужика выглянула взлохмаченная женская голова.

– А ну вали отсюда, алкаш, а то милицию вызову, – изрекла она, быстро обозрев меня с ног до головы.

– С чего вы взяли, что я алкаш? Я здесь жил раньше с бабушкой, и не могу понять, как вы оказались в нашей квартире.

Я снял очки, после чего они сразу как-то изменились в лице.

– Слышь, парень, – сказал мужик уже совсем другим тоном. – Не знаю я никакой бабушки. А квартира моя, я ее получил по городской очереди, могу даже ордер на вселение показать. И вообще... давай-ка по-хорошему – иди себе дальше.

Он захлопнул дверь, и ключ дважды повернулся в замке.

И на том, как говорится, спасибо. Я постоял немного, потом взял сумку, вышел из подъезда и остановился возле знакомой скамейки, где обычно сидели бабульки из нашего подъезда.

Скамейку красили не один раз, но прорезанные ножом, разнообразные надписи все равно упрямо проступали сквозь наслоения краски. И сохранилось среди них имя «НИКА», вырезанное мною собственноручно. И двор, окруженный панельными пятиэтажками, был тот же – со старой деревянной беседкой посредине, где мы в детстве любили собираться вечерами, с полуразрушенными детскими горками, качелями и турником из заржавевших труб. Возле соседнего дома стоял стол и там, будто и не было этих восьми лет, также забивали козла пенсионеры. Только тополя и вязы, растущие по периметру двора, стали заметно толще и выше. *«И не могли не возвратиться к родимой северной округе, и песню горестной разлуки весной веселой пели птицы...»*

Летнее солнце уже поднялось в зенит, но на скамейке в тени большого вяза было не жарко. Тишину нарушало только оживленное чириканье воробьев в листве деревьев, да стук костяшек домино. Я закурил и задумался. *«А в них охотники стреляли и попадали в птиц не*

целясь, и песню скорби и печали весной веселой птицы пели...» Не хотелось верить в самое плохое, но...

– Ёксель-моксель... – услышал я сбоку знакомый голос и резко повернулся. Ну, конечно! Ксаныч – Николай Александрович, мой учитель музыки и сосед по подъезду подошел незаметно и теперь стоял, разведя руки в стороны и ошеломленно разглядывая меня.

– Веня, это ты? – спросил он. – Живой...

– Да, Ксаныч, – ответил я, поднимаясь и снимая темные очки, которые носил теперь постоянно. В глазах его что-то дрогнуло, когда он увидел мое лицо без очков. Мы обнялись.

– Только не знаю, живой или нет...

– Да, ты изменился, – сказал Ксаныч, – усы отпустил, волосы... Но все равно я тебя сразу узнал...

Он постарел, волосы и брови стали совсем белые, на лице заметно прибавилось морщин. Ксаныч жил этажом выше, прямо над нашей квартирой. Впрочем, теперь получалось, квартира уже не наша, а бабушка неизвестно где.

– Ксаныч, а где бабушка? У нас дома какие-то непонятные люди...

– Ты же с дороги, Веня, – сказал он, отводя глаза. – Пойдем-ка ко мне...

Вот у Ксаныча дверь была та же, простая деревянная с филенками, давно некрашенная. Я оставил сумку в прихожей, разулся, и мы прошли на кухню. Ксаныч достал из холодильника бутылку «Столичной», банку соленых огурцов, открыл банку с килькой, нарезал сыр и колбасу. Пока он накрывал на стол, я оглядывал кухню. Ничего не изменилось за восемь лет – те же выцветшие зеленоватые обои в цветочек, кое-где начинавшие пузыриться, старый кухонный гарнитур из ДВП, покрытой шпоном под светлое дерево, эмалированная мойка со ржавыми потеками. Правда, клеенка на столе была свежая, видно недавно купленная.

Ксаныч налил по полной стопке.

– Ну, с возвращением, Веня, – сказал он, поднимая стопку. – Очень рад, что ты живой. Ведь тебя уже все похоронили, ёксель-моксель...

Мы чокнулись и выпили. Ксаныч налил еще по полной. Я ждал, и сердце мое сжималось. Ксаныч достал из кармана пиджака пачку «Примы», а я вытащил свои сигареты и предложил ему.

– Не, с фильтром не могу курить, – сказал Ксаныч. – Вот рабоче-крестьянские – другое дело...

Мы закурили, он быстро взглянул на меня и опустил взгляд.

– Веня, – наконец, сказал он. – А бабули твоей нет. Через неделю, как получили извещение, что ты пропал без вести... скоростижно... Я и хоронил Лену Алексеевну.

Он поднялся и вышел, а я остался сидеть, чувствуя, как растет холодный ком в груди, пока не задрожали губы – пришлось прижать их ладонью. Когда Ксаныч вернулся, я уже вытер слезы.

– Где похоронили?

– На Северном кладбище, рядом с твоей мамой... Давай-ка выпьем за упокой ее души...

Мы выпили не чокаясь.

– Надо бы съездить на могилки, проведать, – сказал я.

– Съездим-съездим, вот в ближайшее воскресенье и съездим, – сказал Ксаныч.

– А что с квартирой? Почему там какие-то люди?

– Она стояла пустая. А через два года, как ты пропал, городские власти через суд признали тебя, понимаешь, умершим. И квартиру передали семье очередника, он уже ее приватизировал.

– Как же так? Я вот он, живой...

– Порядки такие, ёксель-моксель. И вообще... при капитализме, Веня, теперь живем. – Ксаныч вздохнул. – Ну, а ты... где был-то все это время?

– Долго рассказывать, Николай Ксаныч. В плен попал в самом конце войны, оказался в Пакистане, потом удалось бежать. Перебрался в Германию, там жил вот до этого лета, пока не удалось вернуться.

– Что у тебя с лицом, Веня?

– Мина взорвалась рядом, глаза обожгло... яркий свет теперь не переносу.

– Шрамы эти, они от осколков?

– Осколком повредило нерв, теперь пол-лица парализовано.

– Да, ёксель-моксель... вижу судьба тебя крепко приложила...

Ксаныч задумался, хмурия брови, потом вдруг лицо его прояснилось. Он покашлял, поглядывая на меня.

– Вень, – сказал он. – Ты того... поживи-ка пока у меня. Я ведь один, куда мне трехкомнатная квартира... И веселее будет, однако.

Я помолчал, потому что на миг словно сжало чем-то горло.

– Спасибо, Ксаныч, – только и смог выдать я.

Он просиял.

– погоди, я сейчас... – сказал с загадочным видом и вышел из кухни.

Я снова закурил и посмотрел в окно. Кухонное окно у Ксаныча затенял большой тополь, отчего казалось – за стеной дома большой сад. Через открытую форточку слышно было, как ветерок с шелестом треплет листву, и неугомонные воробьи шныряют в ветвях. «Я дома», – подумал я. – «Дома, дома, наконец...»

– Веня, глянь-ка, – позвал Ксаныч.

Я обернулся и обомлел. Он стоял в дверях и держал саксофон – мой альт, профессиональный «Selmer» с корпусом и раструбом из темного нелакированного томпака и «эской» из чистого серебра, инструмент из той, другой жизни.

– Держи, – сказал Ксаныч, и я бережно взял саксофон, как берут грудного ребенка.

Мундштук был надет, трость прикреплена, на инструменте ни пылинки – бери и играй. Я вопросительно взглянул на Ксаныча.

– Я его сохранил, – сказал Ксаныч. – Трость недавно поменял, попробуй... Амбушюр-то остался?

– Амбушюр? – севшим голосом произнес я забытое слово. – Да я ведь уже все забыл, Ксаныч. Сколько лет не играл...

– Ничего-ничего, ты быстро вспомнишь, ёксель-моксель. А ну, попробуй...

Я облизал губы, языком нашел трость, пальцами перебрал клапана и попробовал взять ноту соль – с первого раза не вышло. Еще раз – и сочный хрипловатый звук заполнил маленькое пространство кухни... Прошелся по октаве вверх-вниз и остановился, потому что не мог извлечь ни одной серебряной нотки, как я их называл, не то что золотой. Ксаныч понимающе смотрел на меня.

– Ничего, Веня. Ты обязательно вспомнишь, обязательно...

И я действительно вспомнил, но позднее, немного позднее...

Такт 4. Веник. 1987 год, весна

...вру, что Нику никто не замечал, некоторые еще как замечали. И были они Гномы, не те – сказочные, а из неформальной группировки, как тогда говорили, нашего района. Один из них носил погоняло Вареник – от фамилии Вареников, второй – Кефа, хотя на самом деле его звали Иннокентий. Когда-то Иннокентию выбили пару верхних резцов в драке, после чего он с полгода шепелявил, пока не вставил новые зубы. Но погоняло свое успел за это время получить. Они учились в параллельном классе, слыли самыми отпетыми школьными хулиганами и к тому же входили в группировку, потому с ними старались не связываться.

Я опоздал на урок физкультуры и бежал по школьному коридору к спортзалу, когда возле раздевалок услышал приглушенный вскрик. Остановился и прислушался. Из женской раздевалки слышалась какая-то возня и негромкие, но возбужденные голоса.

– Держи, держи... А–а–а, сучка, кусается!

– Ну, коза, сейчас получишь!

Звук пощечины и короткий девичий вскрик. Я узнал знакомый голос и, не раздумывая, толкнул дверь. Так и есть – Кефа держал Нику, обхватив ее сзади своими длинными граблями, а Витя Вареник стоял перед ней, явно собираясь сделать что-то нехорошее, но обернулся на звук открывшейся двери.

– А тебе чего, козлик? – ласково спросил он меня.

Я увидел глаза Ники, вовсе не испуганные, как я думал, а злые, и когда Вареник повернулся ко мне, она изо всех сил пнула его по ноге. Тут уже Вареник вскрикнул от боли и, согнувшись, схватился за больное место.

– Ты охренела? – заорал он, разгибаясь, и замахнулся, собравшись залепить ей еще одну пощечину.

Тут я запрыгнул ему на спину, перехватывая занесенную для удара руку. Вареник закрутился на месте, пытаясь меня сбросить, но потерял равновесие и упал, оказавшись на четвереньках, а я на нем в позе всадника. Со стороны, наверное, смотрелось смешно, но мне было совсем не до смеха. Долго гарцевать не пришлось – Кефа схватил меня за шиворот, дернул назад, и после оглушительного удара в ухо я отлетел в угол.

Он шагнул ко мне с явным намерением добить. Получать больше не хотелось, я подобрался, и мне очень удачно под руку попался обрезок стальной трубы, видно оставшийся после ремонта. Под первый удар ногой я подставил эту трубу, Кефа зарычал от боли, прыгая на одной ноге, и дал мне возможность вскочить на ноги. Вареник тоже поднялся, и теперь они уже вдвоем надвигались на меня. Терять было нечего и я рванул на прорыв к выходу, размахивая своим оружием.

Но тут дверь распахнулась и в проёме появилась квадратная фигура Тимофеича – пока мы дрались, Ника успела выскочить из раздевалки и сбегала в спортзал. Тимофеич был мужик крутой, бывший борец-тяжеловес, потому он с нами быстро разобрался. Вареника и Кефу повел к себе в кабинет, а нас с Никой отпустил домой.

И на том, как говорится, спасибо. Вообще-то наш физрук уважал меня, как члена сборной школы по легкой атлетике – я хорошо бегал на длинные дистанции, а Нику, как лучшую нападающую школьной команды по волейболу.

Я знал, что на этом ничего не кончится, судя по взглядам, которыми проводили меня Вареник и Кефа. Но, как ни странно, некоторое беспокойство быстро сменилось приподнятым настроением, как только Ника сказала:

– Спасибо, – и прыснула, взглянув на меня. – Ой, у тебя ухо стало в два раза больше.

– А у тебя щека, – сказал я, и мы расхохотались.

В субботу на школьной дискотеке я, набравшись смелости, пригласил Нику на медленный танец, который в то время называли «танго». Хотя настоящее танго – совсем другой танец, а то, что мы танцевали, называется блюз, не зря ведь я учился в музыкальной школе. Но неважно, какой танец – это был единственный способ приблизиться к такому загадочному и притягательному существу, как девчонка.

Танцевали, как тогда говорили, на «пионерском» расстоянии, но все равно я чувствовал близость едва начавшей оформляться груди, нежный запах молока и меда от кожи, и никаких духов не надо было. Иногда мы сталкивались коленями, и тогда словно ток пробегал между нами, и Ничка смущенно отодвигалась. И хотелось, чтобы этот блюз никогда не кончался.

Спустя два дня после случая в раздевалке, мы с Вареником дрались один на один за школьной теплицей в присутствии секундантов. Со стороны Вареника роль секунданта исполнял Кефа, с моей – Ваня Пряхин. Хотя Вареник был покрупнее и тяжелее меня, драка закончилась вничью. Результатом стали: разбитый нос и губы у меня, но зато очень красивый фингал под глазом у Вареника. А нас с Ничкой вскоре стали называть Швабра и Веник, потому как стали часто видеть вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.